

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС:

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

В МОСКОВСКОМ тюзеле премьера: «Дорогой мальчик» Сергея Михалкова. Первая неожиданность — жанр представления. «Комедия-памфлет» — так указано в программке. Право, не припомню, чтобы на сценах тюзов появлялись когда-либо сатирические памфлеты, которыми и взрослое-то театры нечасто балуют своих зрителей. Надо безгранично верить в возможность детской сцены, верить в своего маленького зрителя, чтобы представить на его суд острую, обличительную пьесу, поднимавшую важные политические проблемы.

В пьесе много интересных и необычных стилевых особенностей (они в спектакле умело развиты постановщиком Павлом Хомским), дающих простор для социальных обобщений, для открытой, горячей публицистики. Представление построено, как некий спектакль-фильм в шести сериях, где сцена — экран телевизора, на котором кадры хроники перемежаются живописным действием и кинокадрами натуры съемок с участием персонажей спектакля. Таким образом история московского школьника Жоры Тимохина, сына нашего дипломата, по ошибке похищенного американскими гангстерами, излагается театром не просто на фоне реальных событий американской жизни, но как бы вписывается в эти события, комментируемые саркастично и зло.

Однако не один лишь дикторский текст или киноавтобиография несет здесь необходимый заряд публицистики, она заложена в самих характеристиках главных героев и прежде всего в образе Жоры Тимохина (Б. Захарова), гордо импонирующего себя гражданином ССРС. В сопоставлении жизненных представлений советского мальчика с уродливыми заокеанскими обычаями с особой яркостью и достоверностью раскрывается подлинное благородство наших нравственных устоев.

Заворожня зрителя стремительным, почти детективным сюжетом, автор и театр детально и глубоко исследуют эволюцию психологии второго героя спектакля, американского мальчишки Джорджа Роб-Ронсона (Л. Ахеджакова), оказавшегося вместе с Жорой Тимохином в логове мошенников. Веселое мужество Жоры, его естественное желание прийти на помощь товарищу, склонная уверенность — за них огромная страна, которая умеет постоять за своих детей! — заставляет Джорджа на многое посмотреть глазами друга.

«Дорогой мальчик» — образец мудрого разговора с детьми, где о юных чрезвычайно серьезных рассказано как нельзя более весело и забавно. Спектакль этот заставляет еще раз пристально взглянуть на всю деятельность Московского тюза, сделать попытку прояснить основополагающие направления в его творчестве.

Я говорю «еще раз» потому, что в «Советской культуре» недавно опубликована статья критика Ф. Французова «Решения, которые выбирает режиссер» («СК» № 24 от 22 февраля 1972 г.). В ней автор стремится разобраться в художественном процессе, происходящем в Московском тюзе, путем самосовер-

шествования коллектива, уяснить, как развивались эстетические и дидактические принципы театра за последние пять лет, с момента прихода нового главного режиссера Павла Хомского.

Итоги подводить, утверждает критик, рано, а вот посмотреть, как выглядит коллектив по избранной им дороге, пара. Что ж, с этим не поспоришь: с одной стороны, действительно рано, с другой — и сразу пора.

Юрий Герман в последние годы своей жизни работал над биографией замечательного революционера, человека поразительной стойкости духа Феликса Эдмундовича Дзержинского. В основу трех эпосов «За тюремной стеной» автором был положен фантастический по своей отчаянной смелости, однако вполне реальный случай, произошедший в 1902 году в Александровском цирке — одной из печально знаменитых цирковых тюрем. Сюда, в замкнутый могучей стеной жестокий мирок, где торжествует своеизлияние тюремщиков да дикие права забубленных громил, попадает с этапом политических заключенных Дзержинский. А дальше взволнованный рассказ о том, как побеждают железная воля и бесстрашие рыцаря революции, су-

РАЗУМЕЕТСЯ, задачи нравственного воспитания подрастающего поколения. Московский тюз решает не только на примерах биографий великих борцов за свободу или героики звездной поры. Сумма средств для разработки этических проблем у театра достаточна велика. И, конечно же, важнейшим исходным материалом тут служит сама жизнь, учеба, взаимоотношения, заботы тех, кто ежесекундно заполняет зал. «Мужчина семидесяти лет» И. Дворецкого, «Эй ты, здравствуй!» Г. Мамлина — спектакли о юных и для юных, освещенные приметами жизни сегодняшней молодежи, знаками времени, подкупавшие тонкой разработкой психологического рисунка, добротой и теплом чувств. В этих спектаклях тюзом выработан некий статус, который театр постоянно следует: говорить с молодежью только откровенно, без назиданий, не уходить от сложных этических проблем, решать их вместе со зрителем, на равных, всячески избегая пустой многозначительности.

«Мой брат играет „Ни кларнет“» Анатолия Алексина — наиболее типичный и безусловно наиболее удаленный из такого рода спектаклей. В нем достигнуто на редкость синтетическое сочетание всех компонентов, составляющих успех театрального зрелища: глубокий и значительный по мысли талантливый драматургический материал, предельно щедрое режиссерское решение, высокий профессионализм актерского ансамбля, иссомничная творческая удача исполнительницы роли Женевьевы Л. Ахеджаковой,rossынь запоминающихся мелодий (композитор О. Фельциан), остроумное оформление (художники Н. Сосунов и В. Ладевич).

О СОБУЮ главу в работе Московского тюза составляют спектакли, адресованные младшим школьникам. Это направление в работе театра требует особого анализа. Однако даже в беглом наброске творческого движения театра никак не обойтись без того, чтобы вновь не упомянуть спектакли постоянного автора тюза Сергея Михалкова, чье имя прочию связано с самой историей становления детского театра. «Зайка-заянка», «Том Кент» являются украшениями афиши театра, пользуются неизменным успехом у самого придиричного и требовательного зрителя — детей. Бесспорной удачей нынешнего сезона можно считать и веселую, умную сказку Анатолия Алексина «В стране печальных каникул».

Разговор о резервах производств, экономики, науки — одно из насущных веяний времени. И хоть всякая аналогия относительна, думается все же, что и в театральном деле, и в деятельности Московского тюза тоже есть свои творческие резервы, освоение которых будет способствовать дальнейшему повышению идеально-художественного потенциала театра.

Не использует тюз в должной мере золотой фонд отечественной драматической литературы — в его репертуаре отсутствуют произведения А. Островского, М. Горького, нет и пьес зарубежной классики. Неправомерно мало уделяется внимания героям в красных галстуках. Конечно же, издержки эти восполнимы.

Сегодня в многоголосье московских театров хорошо различим бодрый и звонкий голос тюза. Ни унылых нот, ни фальши. У тюза завидный слух. Последнее подтверждение — веселый, динамичный, радующий своим успехом «Дорогой мальчик».

«ДОРОГОЙ МАЛЬЧИК» И ДРУГИЕ

Лев НОВОГРУДСКИЙ

Всегда радует интерес к проблемам детского театра — теме вечной и значительной, а посему и особых причин полемизировать с критиком не возникает. Заметки Ф. Французова скорее вызывают желание продолжить разговор о тюзе, развязать его, сделать некоторые дополнения к уже сказанному, ибо несносимое имеет малосимпатичное свойство становиться истинным, а значит, и того хуже, неправильным.

Параметры, которыми характеризуется общественная значимость театрального коллектива, его творческое лицо, многочисленны и разнообразны. Особенно при оценке театра для детей и юношества, где репертуар дробится по возрастному составу зрителей, где отсутствует (пусть даже некоторая) однородность интересов и пристрастий, где на разных началах в едином репертуарном потоке соседствуют трагедия Шекспира и трагедия Красной Шапочки.

Однако есть же один критерий, который определяет зрелость театрального организма прежде всего: является ли безошибочной точкой отсчета для выявления масштаба его свершений. Такой показатель — гражданская значимость, высота идеино-художественного уровня творчества. Эти качества проявляются в первую очередь в том, насколько последовательно, заинтересованно и углубленно театр разрабатывает столь значительные темы, как геронко-патриотические, интернациональной дружбы, утверждения коммунистической морали.

Т ВОРЧЕСКИЙ портрет Московского тюза никак не может, соответствуя оригиналу, если не упомянуть об этой главной линии его репертуарной практики. Именно в спектаклях высокого гражданско-академического накала, впечатляющих глубиной своей проблематики, по-молодому темпераментными и сильными, составляющих бесспорные обретения театра, видится существование его устремлений и поисков.

Известный советский писатель

мечтавший объединить своих товарищеских, повести из не приступ, казалось бы, неприменимого.

Разговор с юным зрителем о борцах за народное счастье, о тех, «делать жизнь с кого», театр продолжает в спектакле «Грозовой год» Алексея Каплера. Задачи, которые ставил перед собой тюз, интерпретируя сценический вариант известного киносценария «Лесничи в 1918 году», достаточно ясны: по-новому, с позиций людей семидесятых годов осмысливать ленинскую тему, воочию показать геронку будней первого года революции, огромность ленинского труда.

Здесь уместно заметить, что именно увлекательность, а также яркая театральная форма, точно избранный, часто броский постановочный прием характерны для большинства спектаклей Московского тюза.

Так, высокая степень напряженности в изложении драматургического материала при постановке «Ээзыды» (сценическая композиция М. Львовского по поэзии Э. Казакевича) дала возможность театру с особой силой и точностью передать романтику подвига разведчиков лейтенанта Травкина, его величие и простоту.

Я коснулся лишь некоторых работ театра, посвященных геронко-патриотической теме. Близок им и спектакль «Под каштанами Праги». К. Симонова, где проблемы борьбы за мир, интернациональной дружбы сочетаются и дополняются идеями о необходимости самоотверженной борьбы за будущее, за социальную справедливость.

Перечисленные острополитические выступления Московского тюза выстраиваются в четкую единую линию и связаны между собой куда более важным обстоятельством, чем общая афиша театра. Связь эта — в самой преемственности поколений поколений революционеров, борьбы за светлое завтра, за человеческое счастье. Словами «Продолжение следует» можно бы заканчивать каждый из этих спектаклей.